

МЕТОДИЧЕСКИЙ ЛИСТОК

15 сентября

День единства народов Дагестана

«Времена меняются, и жизнь тоже. Изменились не только головные уборы, но и мысли под шапками у молодых людей. Но каждый человек смолоду должен понимать, что он пришел на землю, чтобы стать представителем своего народа. Человеку дают имя, папаху, человека с колыбели учат родным песням. В какие бы края не забросила судьба, я везде чувствую себя представителем той земли, тех гор, того аула, где я научился седлать коня»

**Народный поэт Дагестана Р. Гамзатов,
фрагмент из книги «Мой Дагестан»**

Республика Дагестан была образована в 1921 году. Она является самым южным субъектом Российской Федерации и граничит с Азербайджаном, Грузией, Чеченской Республикой, Ставропольским краем и с Калмыкией. Население Дагестана – уникальное этническое сообщество, где каждый этнос сохранил традиции, фольклор, народные промыслы, поэтому единство и братство – основное культурное богатство нашей республики, история которой похожа на вечный родник. Кто прикоснулся губами, тот сердцем к нему приник!..

Республиканский праздник, который отмечается ежегодно **15 сентября** как **День единства народов Дагестана**, учрежден в целях единения и консолидации многонационального сообщества и стал официальным выходным днём.

События, к которым приурочен этот праздник, произошли в далеком 1741 году. История рассказывает, как жили люди в древности и в недалеком прошлом, как они боролись за свое счастье, за землю сел, создавали свою культуру. Наши предки прошли трудный путь, много жертв осталось на этом пути, много замечательных людей отдали свою жизнь за счастье и мир. Знать историю своего народа – значит мысленно пройти вместе с ним долгий и трудный путь, чтобы лучше понять день сегодняшний.

Несмотря на этническую и политическую раздробленность, наши предки, чувствуя взаимную связь, осознавая единство и общность исторической судьбы, в период опасности сообща поднимались на борьбу с захватчиками. Не раз дагестанцы демонстрировали образцы удивительной сплоченности в борьбе с внешним врагом, иногда именно о крепость духа

жителей наших гор часто разбивались честолюбивые планы всякого рода «покорителей Вселенной».

Вспомним вехи истории... Неоднократно Дагестан завоевывался то одним, то другим захватчиком, но ни одному из них не удалось полностью покорить Странугор.

Есть у дагестанцев своя Жанна Д'Арк– Парту Патима, которая спасла родной край от нашествия монголов. Она возглавила борьбу кумухцев против войск Тимура. Парту Патимат была обычной горянкой и ничем не отличалась от сверстников. Но в тяжелые годы, когда Родина была в опасности, горянка проявила мужество и стойкость.

*Вокруг шлема обвив свои косы густые
По локоть свои засучив рукава,
Туда, где противники самые злые,
Летит она бессмертием льва.
Направо взмахнет – и врага обезглавит,
Налево взмахнет – и коня рассечет.
«Ура» закричит – и джигитов направит,
«Ура» закричит – и помчится вперед...*

18 июля 1722г. начался поход Петра I в Дагестан, 23 августа Петр I подошел к Дербенту, где его встретил Дербентский наиб Имам Кули-бек. Он вручил Петру I серебряные ключи от города, который был основан еще великим Александром Македонским.

Конец 18 начало 19 веков – это тяжелые годы для народов Дагестана. Два государства Иран и Турция не раз пытались подчинить себе Закавказье и Дагестан. Общая их цель – помешать России укрепить свою власть на Кавказе. Они толкали дагестанский народ на священную войну против русских, говоря, что мусульмане должны бороться против неверных.

Народ обессмертил имена тех, кто служил Родине. В городах и аулах воздвигнуты памятники героям, это укрепляет дружбу народов и воспитывает в детях и молодежи истинный патриотизм.

Молодое поколение должно знать славные страницы героической истории своего народа. Следует воспевать этнических и исторических героев дагестанского народа. Есть важные для каждого человека слова «Родина», «Отечество». Родина начинается с отчего дома, своего аула, села, района, города... Сохранение и возрождение национальных культурных традиций может быть осуществлено лишь на основе их взаимообогащения и обращения к истокам традиционных народных культур, прежде всего фольклору.

15 сентября стало доброй традицией в республике проводить различные торжественные мероприятия: народные гуляния, концерты фольклорных коллективов, спортивные соревнования по национальным видам спорта, ярмарки и другие акции и мероприятия.

В рамках Года культурного наследия народов России 15 сентября 2022г. в с. Новолакское Новолакского района состоится праздник народного творчества и традиционной культуры «Мы дружбой едины», который пройдет с участием творческих коллективов и исполнителей района, а также продемонстрирует лучшие традиции лакской культуры с их особенностями и колоритом.

В этот день по программе праздника пройдут:

- выставка традиционной этнокультуры, в рамках которой будут представлены народные игры и забавы, изделия народных промыслов, музыкальные инструменты, традиционные блюда лакской национальной кухни.

Организаторами фестиваля являются Министерство культуры РД, Республиканский Дом народного творчества, Администрация и МКУ «Управление культуры МО «Новолакский район». Начало в 12.00

В КДУ, центрах культуры следует в этот день провести:

- беседу «*Вехи истории Страны гор*» с участием деятелей науки;
- акцию «*Мы дружбой единой сильны!..*»;
- концерт «*Пою и славлю мое Отечество*» и др.

Для проведения мероприятий следует подготовить:

- фото- и книжные выставки «*Дагестан вчера и сегодня*»;
- историческую экспозицию «*Дагестан – Страна гор*»;
- агитплакаты и др.

А также организовать:

- просмотр документальных фильмов о Махачкале;
- совместное чтение глав из произведения Р. Гамзатова «*Мой Дагестан*».

Приложение

Расул Гамзатов
«МОЙ ДАГЕСТАН»

КНИГА ПЕРВАЯ

Абуталиб сказал:

"Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки".

*Путник, если ты обойдешь мой дом,
Град и гром на тебя, град и гром!
Гость, если будешь сакле моей не рад,
Гром и град на меня, гром и град!*

Надпись на дверях

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. О ПРЕДИСЛОВИЯХ ВООБЩЕ

*Когда проснешься,
не вскакивай с постели,
словно ужаленный,
Сначала подумай над тем,
что тебе приснилось.*

Я думаю, что сам аллах, прежде чем рассказать своим приближенным какую-нибудь забавную историю или высказать очередное нравоучение, тоже сначала закурит, неторопливо затянется и подумает.

Самолет, прежде чем взлететь, долго шумит, потом его везут через весь аэродром на взлетную дорожку, потом он шумит еще сильнее, потом разбежится и, только проделав все это, взлетает в воздух.

Вертолету не нужно разбежаться, но и он долго шумит, грохочет, дрожит мелкой, напряженной дрожью, прежде чем оторваться от земли.

Лишь горный орел взмывает со скалы сразу в синее небо и легко парит, подымаясь все выше, превращаясь в незаметную точку.

У всякой хорошей книги должно быть такое вот начало, без длинных оговорок, без скучного предисловия. Ведь если быка, пробегающего мимо, не успеешь схватить за рога и удержать, то за хвост его уже не удержишь.

Вот певец взял в руки пандур. Я знаю, что у певца хороший голос, так зачем же он так долго и бездумно бренчит, прежде чем начать песню? То же самое скажу о докладе перед концертом, о лекции перед началом спектакля, о нудных поучениях, которыми тесть угощает зятя, вместо того чтобы сразу позвать к столу и налить чарку.

Однажды мюриды расхвастались друг перед другом своими саблями. Они говорили о том, из какой прекрасной стали их сабли сделаны и какие прекрасные стихи из Корана начертаны на них. Среди мюридов оказался Хаджи-Мурат — наиб великого Шамиля. Он сказал:

— О чем вы спорите в прохладной тени чинары? Завтра на рассвете будет битва, и ваши сабли сами решат, которая из них лучше.

И все же я думаю, что аллах неторопливо закуривает, прежде чем начать свой рассказ.

И все же в моих горах есть обычай — всадник не вскакивает в седло около порога сакли. Он должен вывести коня из аула. Наверно, это нужно, чтобы еще раз подумать о том, что он оставляет здесь и что ожидает его в пути. Как бы ни подгоняли дела, неторопливо, раздумчиво проведет он коня в поводу через весь аул и только потом уж, едва коснувшись стремени, взлетит в седло, пригнется к луке и растает в облачке дорожной пыли.

Вот и я, прежде чем вскочить в седло моей книги, медленно иду в раздумье. Я веду коня в поводу и сам иду рядом с ним. Я думаю. Я медлю произнести слово.

Слово может задержаться на языке не только у человека, который заикается, но и у того, кто ищет наиболее подходящее, наиболее нужное, наиболее мудрое слово. Я не надеюсь поразить мудростью, но я и не заика. Я ищу слово и потому запинаясь на нем.

Абуталиб сказал: предисловие к книге — это та же соломинка, которую суеверная горянка держит в зубах, латая мужу тулуп. Ведь если не держать в это время соломинку в зубах, тулуп, согласно поверью, может обернуться саваном.

Абуталиб еще сказал: я похож на человека, который бродит впотьмах, ища дверь, куда бы войти, или на человека, который уже нашарил дверь, но не знает еще, можно ли и стоит ли в нее входить. Он стучится: тук-тук, тук-тук.

— Эй, там, за дверью, если вы собираетесь мясо варить, то пора вставать!

— Эй там, за дверью, если вы собираетесь толочно толочь, спите себе на здоровье, спешить не надо!

— Эй, там, за дверью, если вы собираетесь пить бузу, не забудьте позвать соседа!

Тук-тук, тук-тук.

— Так что же, заходить мне или вы обойдетесь без меня? Человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами.

Мне не два и не шестьдесят. Я на середине пути. Но все же я, видимо, ближе ко второй точке, потому что несказанное слово мне дороже всех уже сказанных слов.

Книга, не написанная мною, дороже всех уже написанных книг. Она самая дорогая, самая заветная, самая трудная.

Новая книга — это ущелье, в которое я никогда не заходил, но которое уже расступается передо мной, маня в туманную даль. Новая книга — это конь, которого я еще никогда не седлал, кинжал, которого я еще не вытаскивал из ножен.

Горцы говорят: "Не вынимай кинжал без надобности. А если вынул — бей! Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника, и коня".

Вы правы, горцы!

И все же. Прежде чем обнажить кинжал, вы должны быть уверены, что он хорошо заточен.

Книга моя, долгие годы ты жила во мне! Ты как та женщина, как та возлюбленная, которую видишь издали, о которой мечтаешь, но к которой не приходилось прикоснуться.

Иногда случалось, что она стояла совсем близко — стоило протянуть руку, но я робел, смущался, краснел и отходил подальше.

Но теперь — кончено. Я решился смело подойти и взять ее за руку. Из робкого влюбленного я хочу превратиться в дерзкого и опытного мужчину. Я седлаю коня, я трижды ударяю его плетью — будь что будет!

И все же сначала я сыплю горский наш самосад на квадратик бумаги, я неторопливо скручиваю самокрутку. Если так сладко скручивать ее, каково же будет курение!

Книга моя, прежде чем тебя начать, я хочу рассказать, как ты прозревала во мне. И как я нашел для тебя название. И зачем я тебя пишу. И какие цели у меня в жизни.

Гостя впускаю на кухню, где еще разделяется баранья туша и пахнет пока не шашлыком, а кровью, и теплым мясом, и парной овчиной.

Друзей я ввожу в заветную рабочую комнату, где лежат мои рукописи, и разрешаю копаться в них.

Хотя мой отец говорил: тот, кто копается в чужих рукописях, подобен шарящему в чужих карманах.

Отец еще говорил: предисловие напоминает человека с широкой спиной, к тому же в большой папаше, сидящего в театре впереди меня. Хорошо еще, если он сидит прямо, а не клонится то вправо, то влево. Как зрителю мне такой человек приносит большие неудобства и вызывает в конце концов раздражение.

Из записной книжки

Мне часто приходится выступать на поэтических вечерах в Москве или других городах России. Люди в зале не знают аварского. Сначала кое-как, с акцентом я рассказываю о себе. Потом друзья, русские поэты, читают переводы моих стихов. Но, прежде чем они начнут, меня обычно просят прочитать одно стихотворение на родном языке: "Мы хотим услышать музыку аварского языка и музыку стихотворения". Я читаю, и мое чтение не что иное, как брэнчание на струнах пандура перед началом песни.

Не таково ли и предисловие к книге?

Из записной книжки

Когда я был московским студентом, отец прислал мне денег на зимнее пальто. Получилось так, что деньги я истратил, а пальто не купил. На зимние каникулы в Дагестан пришлось ехать в том же, в чем уехал летом в Москву.

Дома я стал оправдываться перед отцом, на ходу сочиняя всякие небылицы, одну нелепее и беспомощнее другой. Когда я окончательно запутался, отец перебил меня, сказав:

— Остановись, Расул. Я хочу задать тебе два вопроса.

— Задавай.

- Пальто купил?
- Не купил.
- Деньги истратил?
- Истратил.

— Ну вот, теперь все понятно. Зачем же ты наговорил столько бесполезных слов, зачем сочинил такое длинное предисловие, если суть выражается в двух словах?

Так учил меня мой отец.

И все же ребенок, родившийся на свет, не сразу начинает говорить. Прежде чем произнести слово, он бормочет что-то непонятное. И бывает, когда он плачет от боли, даже родной матери трудно узнать, что у него болит. Но разве душа поэта не схожа с душой ребенка?

Отец говорил: когда люди ждут появления с гор отары овец, сначала они видят рога козла, всегда идущего впереди, потом всего козла, а потом уж саму отару.

Когда люди ждут появления свадебной или похоронной процессии, сначала они видят гонца.

Когда люди ждут в аул гонца, сначала они видят облачко пыли, потом лошадь, а потом всадника.

Когда люди ждут возвращения охотника, они видят сначала его собаку.

Из записной книжки

В Калькутте в доме великого Рабиндраната Тагора я видел нарисованную птицу. Такой птицы нет на земле и не было никогда. Она родилась и жила в душе Тагора, она плод его фантазии. Но, конечно, если бы Рабиндранат никогда не видел настоящих земных птиц, то он не мог бы создать и образа своей чудесной птицы.

У меня тоже есть такая чудесная птица — мой Дагестан. Поэтому, чтобы название книги было точнее, нужно назвать ее "МОЙ ДАГЕСТАН". Не потому, что он мой по принадлежности, а потому, что мое представление о нем отличается от представления других людей.

Итак, решено. На обложке будет написано: "Мой Дагестан".

Несколько мгновений на совещании министров было тихо, никто не возражал. Но вдруг из-за стола встал и пошел на трибуну третий министр, доселе молчавший.

— Мой Дагестан. Мои горы. Мои реки. Ну что ж, неплохо. В общежитии хорошо жить только в молодости, в студенческом возрасте. Впоследствии человек должен иметь свою комнату или даже квартиру. Но мало сказать "мой очаг" — надо, чтобы в очаге горел огонь. Мало сказать "моя колыбель" — надо, чтобы в колыбели лежал ребенок. Мало сказать "мой Дагестан" — надо, чтобы в этих словах была идея — судьба Дагестана, его сегодняшний день. Известен своей мудростью дагестанский поэт Сулейман Стальский. Он понимал то, что я хочу теперь сказать. Вот его слова. "Я поэт не лезгинский, не дагестанский, не кавказский. Я поэт — советский. Я хозяин всей огромной страны". Вот как говорил седовласый мудрец Сулейман. А ты затвердил одно: мой аул, мои горы, мой Дагестан. Можно подумать, что весь мир начинается и кончается для тебя Дагестаном. Но разве не Кремль начало мира? Этого-то я и не вижу в твоём названии. Ты создал грудную клетку, забыв вложить в нее бьющееся сердце. Ты создал глаза, забыв вдохнуть в них блеск мысли. Безжизненные глаза похожи на виноградины.

Кинув с трибуны это яркое сравнение, третий министр важно пошел на свое место, собрав под мышкой кипы бумаг с цитатами из толстых и очень серьезных книг. На других он смотрел при этом так, будто им уже нечего сказать после его слов, как нечего сказать после приговора судьи.

Но тут на трибуну выбежал еще один участник совещания. Был он живой, веселый и вроде как помоложе других. Он и начал свою речь не как все, а со стихотворения:

Пока человек сидит, не узнаешь, хромым он или не хромым.

Пока человек спит, не узнаешь, крив он или не крив.

Пока человек обедает, не узнаешь, трус он или герой.

Пока человек молчит, не узнаешь, лжив он или правдив.

— Так вот что я хочу сказать, — продолжал он, — конечно, хорошо, когда есть идея, а тем более такая, о которой говорил предыдущий оратор. Но бывают ведь и чересчур идейные товарищи. От таких для самой идеи только вред. Я напомним вам некоего Михаила из аула Итля...

Так как на совещании регламента установлено не было, то оратор, как бы между прочим, рассказал нам про своего Михаила.

В Хунзахском райкоме партии работал конюхом Михаил Григорьевич Гусейнов. На самом деле он вовсе не Михаил, а Магомет. Был где-то во время гражданской войны, а в родные места вернулся уже не Магометом, а Мишей. Сменил, значит, свое дагестанское имя. Старый отец сказал тогда новоявленному Мише:

— Чтобы твоя мать носила по тебе траур! Хотя имя Магомет дал тебе я, все же это теперь твое имя и ты вправе обращаться с ним, как хочешь. Но кто тебе позволил трогать меня? Кто тебе позволил поменять Гасана на Григория? Я твой отец, я еще жив! И я хочу остаться Гасаном!

Участник гражданской войны был непоколебим. Он остался Михаилом Григорьевичем и в этом звании работал конюхом в Хунзахском райкоме партии.

Табуны его знаний были малочисленны и тощи, но зато он считал себя очень идейным, всюду говорил об этом, и многие стали считать его самым яростным борцом за идею.

Однажды наш учитель Гаджи получил выговор за то, что у его троюродного брата родственник был, кажется, из князей, а учитель Гаджи в своей анкете не написал об этом.

Понуро брел Гаджи домой в аул Батлаич, неся свое партийное взыскание. По пути догнал его райкомовский конюх Михаил Григорьевич. Разговорились. Гаджи рассказал о своей беде.

— Да тебе и выговора мало! Надо было исключить из партии. Какой же ты партиец, какой коммунист? Настоящий коммунист должен был сам написать заявление куда следует...

Даже если бы это был не троюродный брат, а родной, или родная сестра, или родной отец.

Учитель поднял глаза, поглядел на Михаила Григорьевича и сказал:

— Недаром тебя считают сверхидейным. Удивляюсь, как это ты до сих пор не выровнял все дагестанские горы. Ровное место "идейнее" и проще, чем отвесная каменная гора. Впрочем, с таким, как ты, говорить бесполезно.

Гаджи свернул с дороги на боковую тропу, хотя обоим нужно было идти в один и тот же аул.

— Куда же ты? — удивился Михаил Григорьевич

— Куда бы ни было — не по пути нам с тобой.

— Но я иду в коммунизм! А если ты хочешь идти в противоположную сторону...

— Даже в коммунизм я не хочу идти с тобой рядом. Посмотрим, кто из нас дойдет до него скорее.

Закончив эту историю, оратор продолжал:

— Один поэт написал такие стихи про чабана:

Рассеялся в горах туман,

Путь ясен впереди.

Своих баранов, о чабан,

Ты в коммунизм веди.

Или: другой такой же ревнитель идеи написал заявление в райком: "Несмотря на все мои усилия и даже физические воздействия, моя жена недостаточно прилежно читает "Краткий курс истории ВКП(б)". Прошу райком воздействовать на мою жену с целью содействия ее идейному воспитанию".

Или: на дверях Союза писателей Дагестана однажды появилось грозное объявление. "Без глубокой теоретической подготовки не имеешь права входить в эту дверь".

Старый прославленный поэт Абуталиб Гафуров шел по какому-то делу в Союз писателей, но, увидев это предупреждение, повернул обратно.

Или: в Махачкале, многонациональном городе, есть разные кладбища, православные, мусульманские, еврейские... Один чересчур идейный товарищ выступил на совещании республиканского актива. Он говорил:

— Мы ведем неустанную повседневную борьбу за укрепление дружбы между народами, а между тем у нас столько разных кладбищ. Пора создать одно общее кладбище. Можно подумать и о названии. Скажем: "Дети одной семьи". Да и вообще... Мои родители, например, были верующими, они молились богу. Как же я, член партии с 1937 года, могу лежать на одном кладбище с ними? Нет, давно пора создать в нашем городе новое кладбище на более высоком идейном уровне!

Говорят, бедняга недавно умер, так и не дождавшись нового кладбища.

— Вот я и говорю, — продолжал министр, поднимая голос. — Название книги — как папаха. Но что же важнее, папаха или голова? Расскажу вам о том, как три охотника ловили волка.

— Была ли у охотника голова? Три охотника узнали, что в ущелье недалеко от села скрывается волк. Они решили его поймать и убить. О том, как они его ловили, есть много разных толков в народе; я с детства запомнил такой рассказ.

Волк, спасаясь от охотников, забрался в пещеру. Вход в нее был только один, и тот очень узкий — голова пролезет, а плечи нет. Охотники притаились за камнем, свои винтовки нацелили на вход и стали ждать, когда волк вылезет из пещеры. Но волк был, как видно, не дурак, он спокойно отсиживался. Значит, проиграть должен был тот, кому первому надоест сидеть и ждать.

Одному охотнику надоело. Он решил как-нибудь протиснуться в пещеру и выгнать оттуда волка. Он подошел к дыре и просунул в нее голову. Охотники долго наблюдали за своим товарищем и удивлялись, почему он не старается пролезть вперед или хотя бы вытащить голову обратно. Наконец им тоже надоело ждать. Они пошевелили охотника и убедились, что головы у него нет.

Стали гадать: была ли у охотника голова до того, как он полез в пещеру? Один говорил, что как будто была, другой — что как будто не было.

Безголовое туловище принесли в аул, рассказали о случившемся. Один старец сказал: судя по тому, что охотник полез в пещеру к волку, головы у него не было уже давно, может быть, с самого рождения. Пошли выяснять к овдовевшей жене охотника.

— Откуда мне знать, была ли у мужа голова? Помню только, что каждый год он заказывал себе новую папаху.

Идея должна быть в делах, а не в словах. Она должна быть в самой книге, а не кричать с обложки. Слово, которое можно сказать в конце речи, не нужно произносить вначале.

Новорожденному нередко вешают на грудь талисман, чтобы легкой была его жизнь, чтобы не болел, не знал тоски и горя. Не будем судить, помогает ли талисман на самом деле, но известно, что его носят под одеждой, а не выставляют напоказ.

В каждой книге должен быть такой талисман, о котором знает автор, о котором догадываются читатели, но который скрыт под одеждой.

Или: когда делают урбеч, в него добавляют немного меда. Мед растворяется в сладком и душистом напитке, но его не увидишь и не потрогаешь.

Или: в Бомбее есть сад, который вечно прекрасен. Он не увядает и не сохнет, хоть кругом сушь и жара. Оказывается, под садом — скрытое от глаз озеро, которое поит деревья прохладной живительной влагой.

Идея не та вода, которая с грохотом мчится по камням, разбрасывая брызги, а та вода, которая незримо увлажняет почву и питает корни растений.

— Что же это значит! — вскрикнул, вскочив и хлопнув ладонью по столу, тот самый министр, который весь обложен был книгами и цитатами. — Выходит, нет никакой разницы, что украшает папаху: белая чалма, или красная лента, или пятиконечная звезда?

Выходит, нет разницы, что человек носит на груди: красный орден или черный крест? Было бы, по-вашему, доброе сердце. Один человек не должен быть одновременно, как Гасан из аула Танусы: учителем в Гонохе, комсоргом в Гиничутле и муллой в Хунзахе. То же самое приложимо и к книге... Нет, нет и нет! Идея — это знамя, и его не нужно прятать от глаз. Его нужно высоко поднять и так нести, чтобы все люди видели и шли за ним.

Подготовлено РДНТ МК РД